

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ

Троянская война

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

ЦЕНТРОПОЛИТРАФ

Оливия Кулидж

Троянская война

текст предоставлен издательством «Центрполиграф»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=614715

Оливия Кулидж. Троянская война: Центрполиграф; Москва; 2002

ISBN 5-227-01852-9

Аннотация

В этой книге впервые воссоздана десятилетняя история легендарной Троянской войны. Основываясь на греческой мифологии, на творениях бессмертного Гомера, автор выстраивает увлекательное и яркое повествование, где одной сюжетной нитью связаны все эпизоды падения легендарного города. Уцелевшим героям предстоит пройти через множество испытаний, прежде чем им удастся вернуться в родную Грецию...

Содержание

Введение	4
Пролог	6
Золотое яблоко	6
Елена	17
Безумие Одиссея	22
Обнаружение Ахиллеса	29
Ифигения	33
Часть первая	41
Троянские принцы	41
Самый первый	50
Общий сбор	58
Троил и Крессида	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Оливия Кулидж

Троянская война

Введение

Прошло уже три тысячи лет со времен Троянской войны, а ее история продолжает будоражить воображение поэтов и драматургов. Она стала сюжетным стержнем самых известных из всех легенд и вдохновила авторов многочисленных литературных произведений. По этой причине легенды о Троянской войне кажутся частично знакомыми, хотя если рассматривать последовательность всех событий, то взаимосвязь между одним хорошо известным эпизодом и другим зачастую остается смутной. «Илиада» начинается на десятом году Троянской войны, причины начала и конец которой не объясняются.

«Троил и Крессида» Шекспира, «Ифигения» Гете, «Андромаха» Расина связаны с отдельными эпизодами и знакомят нас с героями, о которых нелишне было бы знать несколько больше.

Ни один из великих мастеров не предпринял попытки пересказать легенду о Троянской войне целиком. Этот пробел пытались восполнить не столь известные поэты и составители кратких изложений, большинство из которых были недо-

статочно хорошо ознакомлены с подробностями истории и не понимали обычаев времени, о котором писали.

Чтобы заполнить зияющие пропуски в легенде, придумывались нередко абсурдные события или изменялись характеры героев, что, в свою очередь, усложняло понимание последующими поколениями полной картины истории.

Несмотря на все эти трудности, легенда о Троянской войне может и должна быть донесена до читателя целиком. Если опустить некоторые явные несуразности, легенда становится на удивление последовательной, несмотря на многочисленные события и большой период времени, который она охватывает. Когда читаешь изложение событий как единое целое, понимаешь, насколько это замечательная легенда и почему она столь хороша. Герои ее – живые люди, которым сочувствуешь. Сама легенда разнообразна, захватывающа, поэтична и красива. Не знать ее – лишиться большого удовольствия. Наслаждаться легендой о Троянской войне можно и нужно ради самой легенды, а не только ради событий, в ней изложенных.

Пролог

Золотое яблоко

У порога в жилище Зевса, властелина всех богов и людей, стояли три огромных сосуда. Один был наполнен благами, которые Зевс изливал на смертных, а два других вмещали печали – ведь жизни героев были трагичны, несмотря на их величие в войне. Война, как и судьбы людей, посылалась им по воле богов. Самая известная и затяжная из всех войн – между греками и троянцами – тоже была послана бессмертными с вершин горы Олимп. Повод к войне можно проследить с того момента, когда всемогущий Зевс, властелин всех богов и людей, заметил Фетиду, морскую нимфу, мчавшуюся по искрящимся волнам, гонимым ветром.

Зевс добивался сереброногой Фетиды и сделал бы ее своей супругой, несмотря на то, что овладеть ею было столь же трудно, как поймать танцующее на воде солнце. Однако ходили слухи о некоем настораживающем пророчестве: мол, если у Фетиды родится сын, то он станет величественней своего отца. Когда Зевс услышал об этом, то перестал добиваться богини, понимая, что его правлению наступит конец, если появится бог могущественнее его. И чтобы обезопасить свое владычество, он решил выдать Фетиду за смертного, то-

гда ее сын обретет величие лишь среди людей.

Женихом был выбран Пелей, царь мирмидонян. Зевс научил его, как быстро схватить и удержать богиню, пока та играла на мелководье у берега. Хотя разгневанная нимфа превращалась то в огонь, то в воду, то в ветер, то в морскую чайку, то в тигрицу, то в львицу, то в змею и, наконец, даже в каракатицу, чтобы ускользнуть от него, Пелей не отпускал ее до тех пор, пока Фетида не согласилась стать его невестой. Тогда Зевс, исполняя задуманное, устроил грандиозную свадьбу для Фетиды и Пелея, пригласив всех богов. Немногим смертным выпадала такая честь, как Пелею, когда боги и богини сидели и пировали с ним за одним столом. Они пили нектар и закусывали странной и приятно пахнущей пищей. Божественные гости были ослепительны в своем очаровании, непринужденны в смехе. Не склонная к веселью невеста молча сидела рядом с Пелеем, но все остальные были веселы, и музыка, о которой люди могли только мечтать, звучала в их душах. Гости прекрасно ладили друг с другом, поскольку злой Дискордии – богини раздора – не было среди них. Только ее одну не пригласили, и она сидела в пустынных залах на Олимпе, замышляя план мести. И вот, когда веселье было в самом разгаре, огненной вспышкой явилась Дискордия и хмуро осмотрела собравшихся. Она бросила что-то на стол и исчезла, не сказав ни слова удивленным богам. Это оказалось золотое яблоко, редкое сокровище, на котором сияла краткая надпись: «Прекраснейшей». На мгновение все

смешалось, поскольку каждая из богинь протянула руку к сказочному подарку. Среди них была и величественная Гера – царица богов, сероглазая Афина, златокудрая Афродита и благородная Деметра, чьи волосы были цвета спелой пшеницы. А еще прелестная, розовая Геба, освещенная Луной охотница Артемида, стройные грации – каждая красива по-своему, вне сравнения, тоже претендовали на яблоко. И боги заспорили, поддерживая то одну, то другую претендентку.

Скоро столы опустели, про невесту с женихом забыли, поскольку в божественных залах Олимпа продолжались бесконечные споры. Даже Зевс не в силах был положить им конец, потому что его жена, Гера, тоже была среди главных претенденток. Шли годы, кандидатуры многих богинь были отклонены, но боги так и не могли сделать выбор между Герой, Афиной и Афродитой. Не легко выбирать между величием, мудростью и женским очарованием – ведь каждая красива по-своему. В конце концов, когда все утомились, было решено, что уладить этот спор должен беспристрастный судья. Они выберут мужчину, юного и неопытного, который не знает ни одну из богинь, и пусть решение принимает он. С этой целью они отправились к Идским горам, где Парис, юный пастух, пас стадо овец на склоне, обращенном на высокую каменную стену, окружающую город Трои.

За много лет до этого, когда золотое яблоко еще зрело в саду богов, проснувшись однажды ветреным утром, царица Гекуба послала гонцов по улицам Трои позвать предсказателей. Ей приснилось, что сын, которого она надеялась родить, не ребенок вовсе, а пылающий факел. Огонь, исходящий от него, распространялся через дверные проемы дворца на широкие улицы, к храмам, пока городские стены не окунулись в море пламени. Когда царица в испуге открыла глаза, грохот падающих зданий и женские вопли все еще стояли у нее в ушах.

Предсказатели выслушали рассказ царицы с серьезным

видом и в один голос объявили, что этот сон – предупреждение свыше. Мальчик, который родится, станет причиной гибели города.

– Этому не бывать! – мрачно изрек царь Приам. – Разве у меня нет других детей, разве мне не пророчили иметь пятьдесят сыновей? Что значит жизнь одного ребенка, если речь идет о всеобщем благополучии? Отнесите его в дикие чащобы Идских гор и оставьте там умирать.

Приговор царя был беспрекословно исполнен, но какие-то бедные пастухи, бродившие в чащах, нашли ребенка и пожалели его, потому что он был красив, как звездочка. Парис, или Александр, не подозревая о своем происхождении, вырос у стен города, в котором правил его отец.

Парис пас овец на Идских горах и был счастлив там в своем неведении, поскольку по натуре был покладистым и спокойным. Да и жизнь его не изобиловала трудностями, потому что нимфа Энона влюбилась в его золотые кудри и румяные щеки, посмуглевшие от свежего воздуха. Парис был изящен в своих движениях, голос его был тихим и низким, да и сам он сиял такой красотой, что, казалось, годится в женихи даже богине. Поэтому-то Энона и добивалась Париса, он ответил ей взаимностью, и они жили вместе счастливо, вдалеке от богов и людей.

И вот богини выбрали именно Париса разрешить свой спор из-за его непредвзятости. Они послали ему яблоко, и все втроем предстали перед ним на поляне во всем своем ве-

личии, повелев ему решить, которая из них самая красивая. Простой пастух с Идских гор был поражен неземной красотой прекрасных богинь. Солнечный луч освещал их белые плечи и играл в их золотых волосах. Трава превращалась в цветы там, куда ступали их ноги. Парис позабыл обо всем на свете – о ветре, шумящем в деревьях вокруг, о крике своих ягнят и даже о золотом яблоке, которое холодило его руку. Появление богинь вызвало в воображении Париса видения далеких дворцов, где в роскошных залах раздавалось пение божественных песен, сияли лица принцесс небесной красоты. Его мысли были далеко, в той жизни, которой он не знал, и едва ли слышал о ней, и судить о которой вряд ли мог.

Тогда вперед выступила величественная Гера – царица цариц. Парис с открытым от изумления ртом разглядывал ее – от сверкающей короны до алых крокусов, которые густо выросли у нее под ногами.

– Я сделаю тебя властелином мира, – гордо сказала она ему и замолчала, выжидая, пока в воображении простак-пастуха пронесутся золотые троны, великолепные процессии и сражения, ужасающие и далекие.

Парис, растерявшись, ничего не ответил Гере, стоял в благоговейном молчании и смотрел на нее во все глаза до тех пор, пока гордой богине не надоело ждать. Она отступила назад в надменном гневе от его отказа.

Затем перед ним предстала сероглазая Афина в своем неприятзательном наряде. На голове ее не было шлема, и она

отложила свои воинские доспехи. Воздух благоухал маленькими фиалками вокруг нее, когда она смотрела на Париса сверху вниз с улыбкой, но все же с оттенком презрения.

– Я передам тебе всю мудрость человечества, – пообещала она, пронзая его своим спокойным взглядом насквозь. Она поняла, насколько он прост, и догадалась, что он не польстится на ее обещание.

Парис покраснел и опустил взор под пристальным взглядом богини. Он ничего не понял из того, что она предложила, но почувствовал ее презрение и чуть отодвинулся в сторону. Богиня отступила назад, не удивившись, но с трудом скрывая разочарование и гнев.

Последней подошла, улыбаясь, Афродита, под белыми ногами которой выросли белые и желто-золотые нарциссы с тяжелым запахом. Ее голос был уверенным и веселым, когда она предложила Парису свою взятку.

– Ты получишь в жены самую красивую женщину в мире, – сказала она ласково, а ее глаза, синие, как море, смеялись, заглядывая в его глаза, – взгляд, который Парис так часто ловил у Эноны.

Вот наконец-то появилась богиня, чье непреодолимое обаяние он понимал. Афродита протянула руку за яблоком таким жестом, словно оно уже принадлежало ей. Парис почувствовал, как ее теплые пальцы прикоснулись на секунду к его руке, когда он вложил приз в ее ладонь. Счастливая победительница тотчас исчезла, и, хотя Парис часто видел ее потом, богиня больше никогда не предстала перед ним в полной своей красе.

Афродита торжествовала, но две другие богини задумали месть. Однако богиня, признанная самой прекрасной, многое успела сделать для своего любимца. Она поведала ему о его рождении, привела его в Троию, заставила Приама и Гекубу забыть свои опасения и принять его как сына. Париса

встретили как принца, и он забыл Энону, потому что Афродита нашептывала ему на ухо, что вот-вот он получит красавицу жену.

Елена

Дворец Менелая, самого могущественного царя Греции, располагался на краю Спартанской равнины. Здесь и готовился ужин для всех членов огромного хозяйства, которые собирались во внутреннем дворе по возвращении с виноградников или с полей. Мычание скотины повисло в воздухе – дойка уже закончилась, и большие царские стада сгонялись в загоны на ночь.

Слуга быстро вошел в тускло освещенный зал, где только что зажгли факелы.

– У ворот какая-то колесница, царь Менелай, – объявил он. – Молодой человек назвался Парисом, принцем из азиатской Трои, путешествующим, чтобы увидеть мир.

– Приведи его ко мне, – отвечал царь. – А пока женщины приготовят купель и одежды на смену, можешь уведомить царицу, что с нами будет пировать чужеземец, она ведь любит рассказы о дальних странах.

Менелай поднялся со своего кресла перед очагом, но, когда гость вошел в свет факелов, царь изумился и на мгновение заколебался при виде исключительной красоты молодого человека.

Парис казался загорелым и волшебным-солнечным. Его блестящий шлем был сдвинут назад, золотые волосы выбивались из-под него и обрамляли загорелое лицо, пышущее здо-

ровьем. Желтовато-коричневая леопардовая шкура небрежно накинута на его плечи. Пояс и сандалии были из чистого золота. Короткая белоснежная туника оттеняла руки и ноги, покрытые легким загаром.

«Если он встанет рядом с Еленой, моей женой, – подумал Менелай, – то они составят самую прекрасную пару, которую когда-либо видели на земле».

Когда Парис вышел из купели с заблестевшими после расчесывания золотыми кудрями, слуги поставили для него кресло рядом с Менелаем и пододвинули небольшой столик. Девушка принесла кувшин с водой и наполнила серебряную чашу для омовения рук. Резчик положил перед путешественником куски мяса, а старый слуга ржаной хлеб, сыр, рис и тому подобные припасы из кладовых. Другой принес золотые кубки и чашу с вином, разбавленным водой. Царь вкушал со своим гостем и вскоре был очарован изяществом молодого человека и низкими нотами его музыкального голоса.

– Ты должен спеть для нас после трапезы, – сказал он. – Если твое умение играть на кифаре соответствует твоему голосу, мы сочтем, что нам и в самом деле улыбнулась удача. Наш певец стар, и царице наскучили его песни, поэтому она не выходит из своих покоев. А без нее тоска опускается на пиршественный зал.

– Я имею некоторый навык в музыке, – признался молодой человек. – Более того, Гектор, мой брат, заявляет, что я трачу

слишком много времени на кифару и пренебрегаю оружием войны. Я – очень даже неплохой стрелок из лука, но дело в том, что я вырос в горах и действительно не обучен владению копьем или мечом.

– У каждого свой дар, – заметил царь-воин с умеренным презрением.

– Так оно и есть, – ответил Парис искренне. – Дар Гектора – мастерство в войне. Мой – лишь любезность и красота, и все же не стоит презирать того, что не достигается практикой, а исходит непосредственно от благословения богов. Никто не может завоевать то, чего ему не дано.

– Дары богов – самые лучшие достоинства, – автоматически отозвался царь, но его взгляд был устремлен на дверной проем, где слабая суматоха слуг отметила появление его жены.

Хорошенькая девушка пододвинула кресло к очагу, а другая наклонилась, чтобы поправить мягкий коврик перед ним. Третья вкатила серебряную корзину, поперек которой лежала ручная прялка с ярко-синей шерстью для прядения. Позади всего этого шествовала госпожа – Елена. Менелай перевел взгляд на своего гостя, ожидая восхищенного вздоха, каким обычно незнакомцы приветствовали ослепительную внешность самой красивой женщины на земле. Губы Париса и впрямь приоткрылись и слегка зашевелились, но он не издал ни звука. Менелай, пораженный обаянием внезапной улыбки Париса, не заметил, что и Елена слегка вздрог-

нула при виде такого красивого молодого человека. И конечно, он не мог услышать голос Афродиты, который отчетливо звучал в ушах Париса: «Ты получишь в жены самую красивую женщину в мире».

Парис взял кифару, чтобы спеть песню для Елены, а ее муж был доволен, что этим вечером его жена задержалась с ними в зале. В последующие вечера она снова оставалась допоздна, а Парис тем временем очаровывал ее шепотом и взглядами, интонациями своего голоса, когда пел для нее, украдкой касаясь ее руки. У Менелая, довольного веселым обаянием своего гостя, и в мыслях не было, насколько тот восхищен Еленой. Все мужчины столбенели при ее виде, однако, хотя она не сильно любила своего мужа, не проявляла симпатии к другим. И царь считал ее холодной по натуре.

В конце концов в одну безлунную ночь Елена тихо встала с ложа, которое она делила с мужем, чтобы украдкой спуститься вниз по узкой лестнице и пройти через большой зал, где во сне беспокойно ворочались слуги. Во внутреннем дворе Парис катил свою легкую колесницу, а его слуга в это время вывел лошадей за ворота, где не было слышно, как их запрягают. Парис живо вскочил в колесницу и обнял рукой Елену, держа поводья. Слуга шарахнулся в сторону от несущихся коней. В темном сонном зале грохот колес был похож на далекие раскаты грома, разносящиеся все дальше и дальше по холмам.

На морском побережье ранним утром огромный корабль,

на котором Приам отправил своего любимого сына, поспешно поднял паруса. Его длинные весла ровно рассекали серую воду, когда Менелай проснулся один в своем дворце в Спарте. Самая красивая женщина в мире оставила своего мужа. Гость, которого приняли с честью, вероломно ограбил своего радушного хозяина.

Безумие Одиссея

Отец Елены был прозорливым человеком. Когда он увидел, что его дочери добивается каждый принц в Греции, то решил заставить ее выбрать себе в мужа самого великого из них всех. Поэтому он принудил каждого претендента присягнуть, что тот в будущем будет считать мужа Елены своим повелителем. Так случилось, что Менелай, тот, на кого в конце концов пал выбор царя, был не слишком инициативным и до настоящего времени не требовал услуг от царей Греции. Однако, когда были направлены послы, чтобы вернуть сбежавшую Елену назад, троянцы, конкуренты Греции в торговле, поддержали Париса. Они отказались вернуть Елену или даже выплатить выкуп. Не оставалось ничего иного, как наказать Трою. Поэтому Менелай, подстрекаемый своим более честолюбивым братом, Агамемноном, разослал всем царям призыв встретиться с ним в Авлиде, где уже в полной боевой готовности стоял флот.

Большая тревога охватила царей Греции, когда эта весть достигла их. Прошли годы с тех пор, как они добивались руки Елены. Те, кому она не досталась, выбросили ее из головы и женились на других. Теперь они были мужьями и отцами, занятыми заботами о своих царствах. Хотя они ревниво относились к могуществу Трои, но понимали, что эта семейная ссора их не касается да и город находится очень да-

леко. Царства приходилось оставлять на жен, которые будут противиться, на постаревших отцов или на еще не ставших взрослыми сыновей. Морские просторы опасны. А успех сомнителен. Хотя цари Греции публично не осмелились бы нарушить свою присягу, все же было ясно, что они не хотели уезжать.

Чем больше цари колебались, тем решительнее настаивал Агамемнон. Ему выпал шанс повести за собой самый большой из флотов в мире и осадить самый великий из городов. Его послы были настойчивые, тщательно отобранные, а Паламед, самый умный из них всех, был послан в Итаку, где жил царь Одиссей.

Одиссей считался самым мудрым человеком в Греции и самым красноречивым. Он был широким в плечах и плотным, на первый взгляд менее внушительным, чем более высокие люди. Слова сыпались из него, как снежинки зимой, и интонации его сильного, глубокого голоса зачаровывали людей, а он в это время играл их сердцами. Ни один, кто слышал речи Одиссея, не мог не уважать его, вот почему Агамемнон надеялся использовать его, чтобы убедить других царей.

К несчастью, из всех царей Греции Одиссей больше других не желал этой войны. Его земли находились дальше всех от Трои, ведь Итака – это небольшой остров на западном побережье, а Троя находилась и вовсе на противоположном берегу моря. Он любил свою скалистую страну, и ее простых

земледельцев, и трудолюбивых рыбаков. А еще царь всей душой хотел остаться со своей любимой женой, Пенелопой, которая только что родила ему сына. В подобных обстоятельствах его давняя клятва казалась сейчас весьма неблагодарной, и все же у мудрого царя не было веского основания, чтобы ее нарушить. Поэтому за два дня до прибытия Паламеда Одиссей вдруг притворился безумным.

Это ему удалось весьма убедительно. Настолько убедительно, что, несмотря на естественные подозрения, даже старики поверили притворству. Однажды рано утром Одиссея нашли на берегу моря, ведущего двух волов, впряженных в плуг, вспахивающего сухой песок. На шее у него висел большой мешок с солью, которую он сеял в борозды, бормоча себе под нос:

– Я должен успеть все вспахать, – говорил безумец. – Должен успеть до темноты.

Люди пробовали его урезонить, но все уговоры были безрезультатны. Он смотрел на них диким взглядом и не подавал виду, что их слова доходят до него. Кто-то пытался остановить волов, но Одиссей направил их прямо на него и переехал бы плугом, если бы тот не отскочил в сторону. Пришла и Пенелопа с младенцем на руках, чтобы образумить его, но ни на ее уговоры, ни на агуканья малыша Одиссей не обращал никакого внимания. Пенелопа ходила за ним весь день, уговаривая его выслушать ее. Когда наступила ночь, слуги отвели ее домой, а Одиссей лишь выпряг волов и улег-

ся спать на пашне. Проснувшись на рассвете, он с перепачканными песком бородой и волосами снова тупо принялся пахать прибрежный песок, как и прежде.

Таким Паламед и нашел его. Люди рассыпались по берегу, а его жена шла рядом с ребенком на руках. Одиссей, грязный и с безумным взором, погонял волов, беспрестанно бормоча:

– Я должен успеть до темноты!

Паламед не поверил в безумие Одиссея.

– Оно произошло слишком вовремя, – заявил он с презрением, надеясь вызвать у царя предательский гнев.

Лицо Одиссея было обожжено солнцем докрасна, поэтому заметить, покраснел ли он от гнева, было невозможно, и Паламед скоро оказался так же беспомощен, как и Пенелопа. Он бегал по пашне под обжигающим солнцем, еле переводя дыхание, повторяя повеление Агамемнона. Он пробовал остановить волов, но был сбит с ног и чуть было не растоптан. Он обратился к наблюдающим эту сцену старикам, но те просто развели руками. Паламед обливался потом, он был весь в грязи и синяках оттого, что упал под копыта волов. Он был смешон, и осознавал это. Группа зевак, хотя и обеспокоенная происходящим, тоже начала находить положение комичным. Вот уже некоторые из них откровенно смеются над ним.

Паламед вышел из себя. Одним прыжком он очутился возле Пенелопы, выхватил у нее младенца и бросил его на песок прямо под копыта волов. Лукавый царь, который ничего не замечал в течение двух дней, вдруг выдал себя целиком и полностью. Он со всей силы развернул плуг, а затем рванулся к головам пахущих волов и выхватил своего сына прямо из-под грозных копыт. Потом он повернулся к Паламеду и одним ударом сбил его с ног.

Притворяться безумным больше не было смысла. Одиссею пришлось поспешно обрести рассудок и выслушать посылного со всем своим царским достоинством. Однако теперь смешным выглядел он.

– Не хотел бы я быть на месте Паламеда, – прошептал один старик другому, когда увидел, как серо-стальные глаза царя пристально глядят на посла Агамемнона.

– Ни один мудрый человек не потерпит, чтобы его выставляли на посмешище, и, хотя Одиссей и преданный друг, никому не пожелаю стать его врагом.

Потом, несколько лет спустя, до Итаки докатилась весть, что Паламед был предан смерти греками за то, что якобы имел дело с троянцами. Старики, склонив головы, все как один деловито качали бородами.

– Разве мы не говорили, что иметь нашего царя врагом мы не пожелаем бы никому? – перешептывались они.

Тогда ходили слухи, что заговор Одиссея погубил невинного человека.

Как бы то ни было, Одиссей остался верен своей клятве Менелаю и принялся снаряжать свой флот. Он поцеловал Пенелопу на прощанье и с грустью смотрел, как она, держа на руках маленького мальчика, махала ему с берега. Пройдет двадцать лет, прежде чем Одиссей снова увидит свою жену и сына.

Обнаружение Ахиллеса

Когда Агамемнон взял верх над Одиссеем, его задача с другими царями намного упростилась. Последовав примеру Одиссея и уговорам, они постепенно собирались, пока не прибыли все цари, кроме одного, самого великого героя.

Это был Ахиллес, единственный сын Пелея и Фетиды, к тому времени ставший мужчиной и теперь известный своей силой, быстротой ног и красотой. Пелей слишком состарился, чтобы вести мощное войско мирмидонян, но в Ахиллесе видел своего преемника. Все были наслышаны о подвигах Ахиллеса, ведь его воспитывал кентавр Хирон, получеловек-полуконь, который был наставником многих героев. Говорили, что Ахиллес мог выследить самого быстрого оленя и догнать летящую стрелу, выпущенную собственной рукой. Он мог остановить взбешенный табун лошадей на полном бегу и схватиться один на один со львом или медведем. Все знали, что мать его – богиня, наслышаны были и о предсказании: ее сын превзойдет славой своего отца, могущественного Пелея.

К несчастью, имелось и другое пророчество о судьбе Ахиллеса, которое среброногая Фетида узнала от своего отца, старого, мудрого морского бога. Хотя ее сын и обретет величайшую популярность, жизнь его будет очень коротка. Он умрет на вершине своей славы перед воротами Трои.

Фетида в отчаянии хотела обмануть судьбу. Когда ее сын был еще младенцем, она отнесла его на серые грязные берега реки Стикс, которая протекала в царстве мертвых. Фетида опустила младенца Ахиллеса в бурные воды Стикса, куда даже духи не осмеливались войти, чтобы дать его телу бессмертие. Никакое оружие не могло бы теперь убить его. Богиня держала младенца за пятку, погружая его в воды Стикса, и лишь пятка осталась его уязвимым местом.

Не удовлетворившись этим, Фетида не прекратила попыток сделать своего сына бессмертным. Тогда ее остановил Пелей из опасения за жизнь ребенка, который не понял, что она делает. Фетида в гневе оставила своего мужа и вернулась в темные глубины моря. Она продолжала ревностно следить за жизнью Ахиллеса и, чтобы не пускать его на войну, в конце концов отправила его ко двору царя острова Скироса, чтобы он рос среди его дочерей. Здесь Ахиллес жил в уединении и из-за своей молодости и красоты очень походил на девушку, когда был одет в женское платье. Без посторонних глаз он мог скакать верхом и бегать или метать копье, но, когда он выходил среди принцесс и царь говорил: «Вот мои дочери», никто не мог бы отличить Ахиллеса, хотя все знали, что одной из принцесс был он.

Агамемнон отправил гонца, чтобы призвать Ахиллеса, но царь сказал:

– У меня только дочери.

И как посыльный ни старался, не мог понять, к которой из

девушек ему следовало бы обратиться. Они все покраснели и смотрели на него удивленно. Ахиллес, который был тайно женат на одной из принцесс, Деидами, дал слово жене и матери, что не выдаст себя. Поэтому он молчал, хотя сам горел желанием отправиться на войну.

В конце концов Агамемнон обратился к Одиссею, который придумал, как хитростью узнать правду. Он переоделся странствующим купцом, а не послом, и попросил позволения показать свои товары в царском дворце. Сначала Одиссей выложил драгоценные украшения: булавки, гребенки, браслеты – только женские безделушки и слишком дорогие для обыкновенных девушек. Поэтому в большой зал пришел слуга, посланный дочерьми, и попросил купца отнести его товар в покои принцесс. Слуги собрали украшения и коробки и все, что еще не было распаковано, и проводили купца по внутреннему двору туда, где ждали принцессы.

Одиссей внимательно рассматривал девушек, когда те, щебеча, восхищались его товарами. Каждая выбирала булавки и драгоценности, примеривала их, прохаживалась, надев их поверх платья или воткнув в прическу; и все же лукавому наблюдателю показалось, что одна из них выказывала меньше рвения, чем другие. Тогда он небрежно расстегнул перед ними еще один баул. В нем лежало еще больше украшений, еще больше редких вещиц, чем прежде, но среди них был и изумительный меч, такой, о каком любой мужчина мог бы всю свою жизнь мечтать, но так никогда и не получить.

Подошедшая третьей принцесса не могла отвести глаз от сверкающего меча. Она брала другие вещицы и играла с ними, но всегда находила предлог, чтобы положить их назад. Ее пальцы украдкой прошлись по лезвию к рукоятке, когда она думала, что торговец не видит. У двух других принцесс отложенные безделушки росли горой, но третья так ничего и не выбрала. Наконец купец сделал вид, что собирается уходить, и принялся складывать свой товар.

– Я должен идти, – сказал он, – но, возможно, в следующем году я снова приеду и привезу вам еще больше сокровищ. А вот третьей принцессе мой товар пришлось не по вкусу. Неужели здесь нет ничего, что она могла бы купить?

Третья принцесса заколебалась, однако решила рискнуть.

– Есть, – сказала она ясно, – я куплю меч.

– Ты получишь его в подарок, – сказал купец, – царскому сыну от царя. Ведь ты, должно быть, Ахиллес, а я – Одиссей и приехал к тебе с посланием.

Таким образом хитроумный Одиссей выполнил возложенное на него поручение, а Ахиллес был рад, что его обнаружили, потому что мечтал о больших приключениях. Он собрал своих людей и отправился в Авлиду, но его мать-богиня плакала, провожая сына в поход.

Ифигения

Агамемнон со своим войском встал лагерем в Авлиде. Черные корабли были оставлены выше отметки морских водорослей, кружащихся перед заливом. На некотором расстоянии от берега суда прибывших последними качались на якоре, их весла – под скамьями, а прямые паруса тщательно сложены. На бесчисленных дымных походных кострах воины варили смолу, плавил металл, жарили целые воловьих туши или приносили жертвы бессмертным богам. Ветер дул устойчиво с моря, разнося звуки лагерной стоянки далеко по нагорью, где пастухи могли слышать скрип тележных осей, стук молотков оружейников, мычание коров и невнятные крики людей. Каждый день прибывали новые силы, пока не стало казаться, что греческим воинам никогда не будет конца.

Главными среди героев были Ахиллес и Одиссей, однако имелись и другие почти равной им известности. С равнины Арголиды, где разводили лошадей, прибыл Диомед, возничий колесницы. Гигантский Аякс, принц с острова Саламина, носил щит из семи слоев лошадиной шкуры, украшенный бронзой. Щит прикрывал своего могущественного владельца с головы до ног, а Аякс размахивал им с легкой непринужденностью, хотя никакой другой человек не мог бы его поднять. С ним был его сводный брат Тесея, лучник, сын од-

ной троянской принцессы, которую давным-давно похитил их отец. Второй Аякс, сын Оилея, был знаменитым копьеметателем и самым быстрым бегуном в войске после Ахиллеса. Самым уважаемым был седобородый Нестор из Пилоса. Он до сих пор командовал своим войском, хотя и имел взрослых сыновей-воинов.

Вот каковы были величайшие из вождей, однако, кроме них, прибыли еще сотни воинов. Самая могущественная экспедиция, которой еще не видел мир, была наконец подготовлена и ожидала лишь перемены ветра.

Но попутный ветер не спешил им помочь. День за днем он неизменно дул с востока. Запасы продовольствия были распакованы и съедены. Люди, наскоро расселенные в грубые жилища, покрытые дерном, начали роптать. Некоторые из царей открыто призывали отправиться назад по домам.

– Такой штиль, – говорили они, – знак недоброжелательства богов.

Дело усугублялось еще и тем, что они, к собственному неудовольствию, нашли Агамемнона заносчивым и надменным.

– Лучше быть подальше от властителей, откуда те не смогут предъявлять нам никаких требований, – утверждали недовольные.

Агамемнон, который слышал роптания, понимал, что среди его войска разброд и шатания. Если его армия разоидется по домам до того, как выступит в поход, его авторитет бу-

дет подорван, а сам он станет посмешищем всей Греции. Пока воины все еще держатся вместе, необходимо, чтобы ветер переменился. Царь разыскал Калхаса, предсказателя, который понимал настроение богов и умел предвидеть будущее.

– Ты должен подсказать мне, как получить попутный ветер, – сказал он.

Калхас пообещал дать ответ. Он провел много времени у алтаря, молясь и принося жертвы, прежде чем вернулся с печальным видом к царю.

– Нам действительно боги не благоволят. Будет лучше, если мы вернемся домой, – заявил он.

Агамемнон вскочил в негодовании.

– Это невозможно! – отрезал он и с силой ударил жезлом о землю. – Если даже ни один из нас не вернется, мы все же должны отплыть. Дай мне попутный ветер и надежду на славу! Пусть это будет стоить мне всего моего царства и даже жизни!

Старик в задумчивости неспешно теребил бороду.

– Это и в самом деле будет стоить человеческую жизнь, – ответил он. – Цена слишком высока, о царь! В последний раз говорю: распусти войско и отправляйся домой.

– Никогда! – с горячностью возразил Агамемнон. – Никогда! Ты думаешь, что это – игра, которую я могу прервать, когда пожелаю? Я поставил все на эту ссору, и если потерплю неудачу теперь, то лишусь всего. Скажи, какое бесценное сокровище могут потребовать от меня боги?

– Твою дочь Ифигению, – ответил прорицатель, вперив взор в землю.

Царь презрительно рассмеялся от облегчения.

– Я отдам ее богам с готовностью, – заявил он. – Я подумывал выдать ее замуж, как подобает, но боги могут сделать ее жрицей, если такова их воля.

– Ее нужно будет принести в жертву на алтаре Артемиды, – объяснил Калхас, – такова цена попутного ветра.

Агамемнона передернуло от ужаса. Его веселая молодая дочь – человеческая жертва! Отец вынужден пойти на такое! Никакая слава в мире не сотрет подобный грех.

– Это невозможно, – отрезал он. – Мы будем ждать здесь. Рано или поздно ветер переменится.

Ветер не изменялся, а спустя некоторое время и остальные вожди узнали ужасную весть от Калхаса. Многие, скорые на язык, тут же сказали, что все они предлагали свои жизни царю, а он-де не может пожертвовать одной-единственной жизнью. Хотя они и не желали смерти девушки, но были рады возложить вину на Агамемнона за роспуск войска.

В конце концов царь понял, что должен взять на себя либо неудачу, либо величайшее из преступлений. Агамемнон искренне любил свою дочь, но для него она значила меньше, чем его гордость. Он отправил посланца, чтобы тот привез Ифигению в лагерь.

Бедная девушка приехала, горя нетерпением и облачен-

ная в свои лучшие одежды, ведь Агамемнон распорядился сообщить ей, что устроил ее помолвку с Ахиллесом. В этом, однако, царь несколько переусердствовал, поскольку его жена, Клитемнестра, настаивала на своем присутствии на свадьбе дочери.

Клитемнестра был сестрой Елены и гораздо более гордой, хотя и не такой красивой. Теперь ею овладел гнев на Агамемнона, столь же сильный, сколь боль от потери своего ребенка. Сама же девушка, сначала ошеломленная известием, проявила достойную удивления храбрость. И все упреки, которые жертва оставила невысказанными, обрушила на Агамемнона разъяренная мать.

– Я отомщу тебе, даже если этого часа мне придется ждать десять лет! – рыдала она.

Агамемнон отвернулся от нее, ничего не ответив. Он принял решение, и его гордыня не позволяла ему думать о женских угрозах, хотя ему была известна жестокая натура своей царицы. Его, возможно, больше тронули бы мольбы Ахиллеса, который расчувствовался от такой самоотверженности молодой девушки и готов был отказаться от своих надежд на славу и просить оставить ей жизнь. Однако не такой у царя был характер, чтобы смириться с неудачей, и Агамемнон скрепил свое сердце.

Ифигению привели к жертвеннику. Нож палача поднялся и опустился. Только боги знали, что то, что казалось безжизненным телом девушки, в действительности было телом

олена, ведь Артемида могла требовать, но в действительности никогда не приняла бы такое подношение. Богиня подхватила Ифигению на руки и отнесла ее в далекую Тавриду, чтобы сделать ее там жрицей.

Тело лежало на алтаре. Люди отвлеклись от жертвы посмотреть, не изменился ли ветер. Мгновенно все перемешалось, когда все радостно бросились к своим кораблям, топя память о содеянном в мыслях о будущей славе. Флот выступил из Авлиды, но герои вступили в войну, хотя и победоносную, но печальную из-за совершенного преступления. Небольшая урна с пеплом – вот все, что вернулось в многочисленные дома тех, что пали в сражении. А еще больше утонуло в морях.

Десять лет прошли медленно. В Итаке царица Пенелопа по ночам плакала об Одиссее, своем муже. В беспокойном царстве мирмидонян Пелей безуспешно боролся за порядок, тоскуя о помощи своего сына. В Микенах мрачная Клитемнестра точила острый топор для своего мужа. Народ Агамемнона с нетерпением ждал возвращения своего царя, и Клитемнестра тоже выжидала момента триумфального возвращения мужа, укрепляясь в своем решении убить его.

Часть первая

Начало

Троянские принцы

Часовые стояли на башнях врат Трои, смотря со стен на далекое море. Во внутренних дворах принцев, по всему городу люди были заняты тем, что приводили в порядок оружие. Маленькие мальчики подносили взрослым инструменты, бегали за салом для ремней или собирались стайкой, чтобы послушать историю какого-либо интересного предмета, принесенного для ремонта. Одни лишь принцы отсутствовали, собравшись в высоком зале Приама, чтобы уточнить свой ответ послам приближающихся греков.

Приам со стариками сидел в центре зала, а его пятьдесят сыновей и их кузены располагались по обе стороны. Старый Антенор держал жезл говорящего, но молодые люди не желали его слушать. Они вытянули ноги и откинулись на спинки кресел с неприкрытой дерзостью или оборачивались, чтобы переговорить друг с другом. Парис шутил с окружающими и беззаботно смеялся. Антенор обратился к нему, белый жезл задрожал в его руке от негодования.

– Ты говорил нам, что грекам до нас не доплыть, – заметил

он с уничтожающим презрением.

– Я утверждал, что Менелая их не собрать, – парировал Парис, почесывая ногу. – Он и не собрал. Его брат Агамемнон ведет войско.

– Какая разница, если они уже здесь?! – воскликнул старик.

– Только в том, – ответил Гектор, предводитель братьев, неторопливо поднимая голову от скрещенных рук, – что греки приплыли сюда не просто за Еленой, иначе их привел бы сам Менелай. Неужели ты думаешь, что такая мощная армия послушно отправится домой без сражения, после года подготовки к войне?

– Мы только что выслушали Менелая, – сказал Антенор. – Он требовал только Елену и удовлетворения за нанесенное оскорбление.

– Менелай – глупец, – отрезал Гектор. – Он не видит дальше собственного носа. Троянские принцы! Настоящий посол Агамемнона – Одиссей, которого вы только что слышали. Хотя он и изумительный оратор, вы не должны обманываться, ведь из его слов ясно, что война уже началась. Несколько месяцев назад наш отец Приам разослал гонцов во все города страны и на острова, прося их поддержать нас. И вот греческий флот напал на них. Многие города подверглись осаде, а цариц взяли в плен ради выкупа. Фиванский царь и его семь сыновей героически погибли за наше дело. Люди умирали за нас, троянских вождей, и мы не можем теперь отка-

заться от войны.

– Горька твоя печаль о Фивах, – смело отвечал Антенор, – но смотри, не навлеки такую же участь и на Троию. Даже при том, что Андромаха, твоя жена, потеряла отца и семерых братьев в Фивах, тебе не подобает призывать к войне в отместку за свои личные потери.

Послышались гневные восклицания принцев, пока Гектор, покраснев от невысказанной ярости, стоял и пытался обрести самообладание.

– В такие времена людей обидеть легко, – сказал он наконец. – Лишь за несколько минут до этого Полидамас здесь объявил, что я тороплю войну, потому что надеюсь покрыть себя славой как самый великий из вас всех воин. Если бы не день траура в моем доме, вы оба раскаялись бы в сказанном. Но так и быть, я не буду больше ничего говорить, пусть решают собравшиеся здесь принцы.

Он уселся и снова спрятал лицо в ладонях, а в это время со всех сторон послышался гомон негодования, исходящий от принцев.

– Говорю же, мы погибнем так же, как Фивы! – старался перекричать шум Антенор. – Само имя троянцев исчезнет с лица земли!

– Этому никогда не бывать! – заявил серьезный молодой Эней, сын богини Афродиты от Анхиса, который доводился царю кузеном. – Моя мать предсказывает, что от меня произойдет великий народ и что он будет править самими гре-

ками и всеми остальными народами, живущими даже у столбов Геракла, которые находятся на краю света.

– Пусть даже и так, – кричал жестокий молодой Троил, – а я со своими братьями, которые доводятся сыновьями Приаму, буду править тобой в Трое.

Он положил руку на свой меч и пожирал взглядом Энея, который с вызовом смотрел на него.

Старый Приам сделал знак Антенору, и председатель собрания уселся с хмурым видом, а царь в это время медленно поднялся на ноги. Старик держался с большим достоинством, ведь он был царем вот уже пятьдесят лет. Даже два готовых сцепиться юнца отвернулись друг от друга, а ропот и перешептывания собравшихся стихли.

– Давайте не будем ссориться и гадать о будущем, – начал наконец Приам в неспешной манере, присущей всем старикам, которым трудно повышать голос, чтобы их услышали. – Наша судьба еще находится в урнах Зевса, и никакой смертный не может знать, какой она будет. Наш ответ этим двум послам касается теперь нас, и я говорю – война должна быть. Гектор торопит развязать войну ради своей жены, да у нас просто нет другого выбора. Вы все знаете, что греки уже осаждали Троию прежде в моем детстве, убили моего отца и увели мою сестру с собой в рабство. Поэтому я недолюбливаю греков, но все же, когда прибыли первые послы от Менелая, я просил тебя, Парис, вернуть Елену мирно. Ты тогда сказал, что Менелай не может собрать армию и что для нас

будет позором уступить его угрозам. Мы бросили ему вызов, и послы отправились по городам нашего союза, чтобы весь Восток принялся готовиться к войне. Теперь война у нашего порога. Давайте разобьем греков наголову и не оставим ни одного воина из армии Агамемнона, чтобы тот не мог возвратиться домой и хвастать о своих победах.

– Война у нашего порога! – нетерпеливо повторяли принцы, но старики вокруг царя сидели молча и с серьезным видом.

– Гектор! – обратился Приам к своему сыну. – Мы устроим сражение на берегу или позволим грекам высадиться и встретим их на равнине у наших ворот?

Гектор снова поднял свою великолепную голову и вперил взгляд своих ярко-синих глаз в царя.

– На берегу, – сказал он быстро. – Позже, если им удастся всеми силами высадиться на сушу, мы уничтожим их на открытой равнине. Позади Трои находятся чащобы Идских гор, так что осада нам не грозит, потому что они не осмелятся окружить нас, в противном случае мы их сильно удивим. Они должны стать лагерем на берегу около своих судов, ведь если мы сумеем их сжечь, им не на чем будет спастись, и они все погибнут.

Принцы одобрительно кричали и стучали мечами о свои панцири, ведь многие пришли на совет уже в полном военном облачении. В зале поднялся такой шум, что некоторое время они не слышали рева труб. Часовые на башнях у врат

города подняли тревогу. Темное море уже пестрело парусами, бесчисленными, как лепестки вишневого дерева, несомые ветром. Народ поспешил к стенам и крышам зданий, а в это время в воздух поднялся шум тысяч голосов.

Храмы богам стояли тесной группой в цитадели, которая представляла собой небольшую крутую возвышенность в центре города. Там находилась скромная деревянная святилища Афины – Палладий, ее изображение, грубо вырезанное и невероятно старое, и все же ценимое выше других. Его считали упавшим с неба, и легенда гласила, что, пока Палладий находится в цитадели, Троя выстоит. Рядом располагался храм Аполлона, выстроенный гораздо позднее из белоснежного мрамора с колоннадой вокруг.

Когда принцы, поднятые шумом, поспешили наконец из зала дворца Приама, жрица Аполлона вышла из тени храмовых колонн – стояла и смотрела на них.

Бледная, словно мраморная статуя, жрица казалась крошечной фигуркой, одетой в снежно-белые одежды. Пепельно-белые волосы свободно струились по ее плечам из-под шерстяной полоски, которая служила отличительным знаком ее священной миссии. Кассандра, став жрицей, превратилась в вечную невесту Аполлона и посвятила свою жизнь ему, который наградила ее даром предвидения будущего. Позднее она захотела нарушить свои клятвы и выйти замуж, но Аполлон в наказание за это добавил проклятие – Кассандре никто никогда не верил.

Принцы помоложе побежали бегом через площадь к воротам, а Кассандра с безразличием дала им пройти, ведь пророчество, которое переполняло ее, предназначалось не для них. За ними несколько медленнее шла группа старших, среди которых возвышалась над остальными крупная голова Гектора. Внезапно Кассандра принялась рвать на себе волосы, крича, словно умалишенная.

– Смотрите! – кричала она, указывая в пустоту. – Труп Гектора волочит за собой в пыли греческая колесница. Смотрите, наши враги смеются! Троя в огне! О, горе мне! Агамемнон, жестокий Агамемнон! – снова и снова вопила она, пока Гектор подзывал храмовых служек, которые прибежали на крики своей хозяйки.

– Отведите ее в храм, – строго приказал он. – Обращайтесь с нею любезно, но держите взаперти, пока она пребывает в безумии. Не к лицу дочери царя с дикими криками бегать по улицам. Она слишком нежна для войны, и ужас вызывает у нее дикие видения. Конечно, с нашей победой ее ум оправится.

Гектор спокойно повернулся, чтобы уйти, хотя на сердце у него было тяжело от безумия сестры. Кроме того, в своем меланхоличном настроении он тоже увидел свое будущее, которое показалось ему ужасным, сверх всяких человеческих представлений. Но было слишком поздно пойти на мировую с честью, поэтому он улыбался, пока шел к валу, чтобы все видели, что их предводитель с радостью хочет посмотреть на своих врагов.

Самый первый

Лаодамия стала супругой совсем недавно, и большой дом, который возводил ее муж, был еще не достроен. Зал едва только успели покрыть крышей, а склады и навесы для скота еще не были и начаты. Однако ее покои были закончены, хотя детали большой разборной кровати, которая будет стоять там, были сложены у стены. Протесилай собственноручно украсил ее картинами, красиво инкрустированными золотом и слоновой костью, и теперь его молодая жена не позволит ни одному ремесленнику здесь прикоснуться к ней. Пока же она все еще спала на грубом соломенном тюфяке, второпях постеленном для нее, когда они с Протесиладом поженились.

Ночь стала для нее самым счастливым временем, потому что она могла мечтать о своем муже. Прежде чем он отплыл в Трою, Лаодамия приказала снять с его лица восковую маску и искусно ее раскрасить. Теперь она заставила художника закончить всю фигуру, на которую надела одежду Протесилая. При тусклом свете в самом темном углу комнаты ей иногда казалось, при беглом взгляде, что это действительно ее муж. Лаодамия суеверно считала, что если ей так покажется на закате, то ночью она увидит мужа во сне. Иногда примета сбывалась, но видение всегда было тягостным и приносило повергавшее в ужас чувство печали. Ей в голову приходило

много слов, но она так и не могла выбрать, что сказать. Лаодамия пристально вглядывалась в него, а он в нее в отчаянном, болезненном молчании, пока короткая ночь не заканчивалась и она не оставалась снова в одиночестве.

Царь и царица были ласковы с их странной, грустной невесткой, но им казалось, что они едва понимают ее. Дело в том, что они были стары и знали, что время идет, хотя и медленно. Через год или два, когда Троя будет взята, их сын снова вернется к ним. Для Лаодамии же годы, что были впереди, казались такими черными и длинными, что она не могла представить, что они все-таки минуют. Как ни старалась, она не могла убедить себя, что время счастья может вернуться.

А пока она долгие часы проводила в своей комнате в слезах или молча бродила по незаконченным внутренним дворам своего дома. Она убрала свои богатые наряды с яркими вытканными узорами и облачилась в белое, словно простая рабыня или вдова. Старики родители качали головами, встревоженные ее худыми костлявыми плечами и заострившимся лицом, которое казалось таким же белым, как и ее одежды.

Наконец в те длинные недели, пока суда греков стояли в Авлиде, Лаодамии приснился другой сон. Ей привиделось, что у нее отросли крылья морской чайки и она полетела над океаном, чтобы соединиться со своим возлюбленным, хотя и не знала, где тот находится.

Она нашла любимого стоящим на носу его корабля в пол-

ном боевом облачении. Его лицо выглядело странным и горело нетерпением, и он не подал вида, что заметил ее, когда она пролетела у него над головой с жалобным призывом, потонувшим в скрипе весельных уключин и громких людских криках. Протесилай прикрывся щитом, когда мимо просвистел камень.

Теперь Лаодамия увидела, что в море теснилась тысяча судов. Вода стала от них черной. Когда они приближались к суше, их длинные весла ползали по поверхности, словно лапы жуков.

На берегу пращники трудились, как сумасшедшие, осыпая корабли залпами камней вместо приветствий.

Однако защищавшиеся щитами копьеносцы встали стеной, заградив собой гребцов, чтобы корабли могли пристать к берегу.

Многочисленные ряды воинов у кромки воды сдвинулись и разомкнулись при громком крике: «Гектор!» – и великан вышел вперед в сверкающем панцире. Он казался громадным – семь футов от гребня из рыжего конского волоса на шлеме до ремешков его сандалий, – весь закованный в бронзу. Его огромное копьё пожаром горело на солнце. Его громогласный призыв был слышен сквозь шум:

– Смерть первому, ступившему на землю!

– Смерть первому! – вторила толпа, стоящая за ним, и потрясала лесом копий.

Пращники прекратили осыпать наступающих камнями,

чтобы не ранить своих, когда завяжется сражение. Теперь и скрип весел тоже затих, поскольку корабли в замешательстве спутали порядок, ведь никто не желал причалить к берегу первым. Во внезапном затишье резко разносились крики перепуганного кормчего.

Протесилай огляделся вокруг. С обеих сторон передовые суда в беспорядке пытались отступить назад, а задние нажимали на них. То здесь, то там возникала опасность столкновения. Внезапно он поднял свое копьё и крикнул своим гребцам. Их весла погрузились в воду, и его корабль помчался вперед к берегу.

– Смерть первому! – вопила толпа троянцев.

– Бессмертная слава! – крикнул Протесилай и прыгнул.

Он приземлился у кромки воды, слегка споткнувшись, когда у него под ногами осыпалась галька. Не успел он выпрямиться, как Гектор набросился на него. С громким треском копьё троянца проткнуло щит и нагрудную пластину Протесилая, припечатав его к земле. Его шлем сверкнул на мелководье и исчез из виду.

Теперь корабли потянулись к берегу, и у кромки воды завязалась битва. Позади передних рядов люди хлопотали, поднимая поверженного Протесилая. Они наконец извлекли его из воды, но Лаодамия увидела его бессильно запрокинутую назад златовласую голову и поняла, что он мертв.

Странно, но при виде этой ужасной картины Лаодамия не впала в отчаяние. Скорее, это придало ей надежду, что бо-

ги возымеют жалость, ведь это они предоставили ей видение еще не свершившейся трагедии. С того времени она провела много дней у алтарей богов, особенно Зевса и Гермеса, посыльного снов.

– Дайте побыть с моим мужем хоть три часа после его смерти, – молила она. – Если ему суждено погибнуть, верните его мне хотя бы ненадолго, до того как он отправится в страну мертвых.

Через некоторое время тяжесть с ее сердца упала, поскольку она верила, что ее молитвы не останутся безответными. Хотя ей больше не снился муж, она сочла это добрым знаком и оставила алтари богов, чтобы ждать любимого супруга в своих покоях. Она ничего не ела и, похоже, больше не спала, превратившись в бледное изнуренное подобие себя, но ей было все равно.

Однажды вечером на исходе длинного летнего дня, по привычке бросив через плечо взгляд на статую, Лаодамия снова представила, что статуя ожила. Сердце у нее забилось чаще, но она больше не стала смотреть на статую.

«Это – лишь мое воображение, – подумала она. – Придет время, и мой муж явится ко мне живой».

Что-то зашевелилось в темном углу позади нее. Это была вовсе не статуя, а сам Протесилай, тяжело опирающийся на свое копье, с его волос капала вода. Лаодамия вскочила на ноги и бросилась в его объятия.

Они долго целовались, слова им были не нужны. Однако

в конце концов они оба уселись, а Лаодамия прислонилась к плечу своего мужа. Знакомое уныние ее снов теперь охватило ее. Перед долгим расставанием она не могла ничего сказать ему.

– Неужели у тебя не находится для меня слов? – спросил он наконец. – Я должен сойти на нарциссовые поля Элизиума, где живут духи мертвых героев и где любовь теней столь же слаба, как их расплывчатые фигуры. Пока в нас есть жизнь и силы, говори со мной о нашей любви.

– Я не могу говорить, – с болью сказала Лаодамия. – Не думаю, что мой голос будет слышен на земле. Жди меня в нарциссовых долинах, можешь быть уверен, что я скоро последую за тобой.

Он разжал ее объятия и медленно встал. Они напоследок обменялись долгими взглядами.

– Приходи скорее, – наконец тихо сказал он. – Воспоминания теней ослабевают в сумеречной стране Аида. Самые последние рабы на земле счастливее призраков в долинах Элизиума. Приходи скорей, пока я тебя не забыл.

Лаодамия разомкнула бледные уста, чтобы ответить, но ее муж исчез, лишь восковая фигура неподвижно высилась там, где прежде стоял он. Лаодамия опустилась на кровать, она не пролиwała слез, но дух ее был сломлен. Отвернувшись к стене, она пролежала так без слов и движений, пока не умерла.

Греки, когда победили в сражении при высадке на землю Трои, а черные корабли пристали к берегу, воздвигли Протесилаю высокую насыпь. В ней они захоронили его прах вместе с его оружием и броней и говорили:

– Это действительно был храбрый поступок. Протесилай был первым и обрел бессмертную славу. Такого героя нужно подобающе отправить в страну мертвых.

Общий сбор

Черные суда стояли бок о бок на берегу. Среди палаток раздавались воинственные крики, призывающие героев сразиться под командованием Агамемнона. Сам же Агамемнон, одетый в полную броню, но держащий серебряный скипетр власти вместо копья, прохаживался между рядами хижин, производя осмотр готовности своего войска. Там, где он видел готовых к сражению, он хвалил солдат, но, если кто-то все еще не был готов к битве, не скупился на упреки.

Прежде всего Агамемнон пришел к палаткам Диомеда, где слуги устанавливали корпус ярко окрашенной колесницы на раму. Около них возница держал пару великолепных белых лошадей, кожа их упряжи была окована серебром и золотом. Сам Диомед у входа в свою палатку надевал шлем, а из палаток его товарищей по оружию в это время пчелиным роем выбегали воины.

Рядом с Диомедом стоял Аякс Большой. Его воины были пехотинцами, так как они жили на маленьком скалистом острове, не подходящем для разведения лошадей. Так огромен был этот герой, что самый высокий из его солдат едва доставал ремня его шлема, который застегивался под подбородком. Его большой щит из кожи и бронзы, висящий на широкой полосе на его плече, закрывал его почти до земли. Рядом с ним, едва выше его локтя, стоял Тесей, его брат, во-

оруженный луком из отполированного рога и колчаном со стрелами. Тесей вообще не носил никакой брони, даже нагрудной пластины, поскольку прятался за щитом своего брата. Они вместе составляли смертельно опасную пару.

Агамемнон прошел мимо Аякса и Тесея к благородному Одиссею, который закреплял серебряные застёжки своих наголенников вокруг щиколоток. За ним стоял Аякс Малый, сын Оилея. Его воины находились в полной боевой готовности, они были пращниками и лучниками, не облаченными в броню. Волчьи шкуры, завязанные за передние лапы вокруг шеи каждого, служили грубым щитом. Левой рукой воин мог натягивать нижний край шкуры и держать ее подальше от тела, защищая его от летящих снарядов. Каждый нес пращу из свитых полосок ткани и суму, полную камней, или лук с колчаном стрел. Агамемнон прошел мимо, ничего не сказав, обращая мало внимания на таких легковооруженных воинов, которые никогда не осмелятся подойти, чтобы накрыть неприятельские отряды с рядами копьеносцев. За его спиной послышался ропот, потому что он не похвалил их боевую готовность.

Рядом с ними располагались палатки Ахиллеса. Здесь слуги чистили его коней, сам он сидел у входа в палатку, а пленницы подносили ему вино. Вокруг него слуги обносили мясом его солдат, не обращая внимания на крики и суматоху большого войска, готовящегося к схватке.

– Сын Пелея! – закричал Агамемнон, останавливаясь. –

Долгое время ты хвастался, что ты и твои люди первые в сражениях. Аякс и Диомед уже готовы, а ты тут рассиживаешь! Вероятно, ты боишься противостоять Гектору, опасаясь, как бы тот не доказал, что превосходит тебя в боевом искусстве, и не лишил тебя славы.

И больше не говори мне о своей матери-богине! Божественное происхождение доказывают делами, а не словами!

Красивое молодое лицо Ахиллеса стало мрачным, как зима.

– Не смей говорить со мной о моей храбрости, бессовестный царь! – закричал он. – Я доказал ее в Фивах. Где был ты, когда брали город и семь царских сыновей пали от моей руки?

– На своем месте, – парировал царь. – Во главе своего войска.

Ахиллес рассмеялся.

– Быть царем, несомненно, великая часть, – ответил он. – Царь остается во главе своей армии, а в сражения посылает других. А когда те захватывают города, он берет лучшее из добычи, ведь он – царь.

– Неужели? – ответил Агамемнон, став алым от гнева. – Как это я об этом не подумал! А вот тот юный пленник в алой с золотом тунике не был выставлен как добыча из Фив, чтобы, как ты говоришь, царь мог выбрать.

Ахиллес угрожающе встал:

– Я не утаивал никакой добычи! Этот юноша не был взят

В плен там.

– И где же ты взял его в плен?

Ахиллес улыбнулся.

– Царь крепко спал прошлой ночью, – ответил он с издевкой, – надеясь, что в темноте Гермес, посыльный Зевса, принесет ему вещий сон. Сны царей важны и не должны быть пропущены. Потребность во сне простого героя, сына богини, гораздо меньше. Знай, этот юноша – троянец, а не фиванец. Его имя – Ликаон, и я захватил его в плен сегодня ночью в саду за Троей на предгорьях Иды, где он рубил побеги диких фиговых деревьев, которые они используют для поручней колесниц.

– Ты был за Троей?! – в изумлении воскликнул царь.

– За Троей? – переспросил Ахиллес. – Я был рядом с ней. Троянцы больше никогда не будут чувствовать себя в безопасности на Идских склонах. Эней, сын Анхиса, пас там их скот. Он бросил стадо и побежал по холмам, и, если бы не темнота, ему от меня не удрать бы. Но все равно я возвратился с добычей и с этим мальчиком, сыном Приама.

– Тебе следовало бы его убить, – заявил Агамемнон. – Мы не можем держать пленных, особенно царских сыновей.

– Он еще ребенок, – беспечно возразил Ахиллес. – Разве я могу убивать детей? Я продам его в рабство за морем, если ты боишься его. Но теперь, царь, я и мои люди устали и еще не поели. Когда мы бросимся в бой, ты непременно станешь свидетелем нашей доблести, но сейчас проходи мимо и раз-

давай приказы тем, кто не знает, как постоять за себя.

Проглотив свою ярость, Агамемнон заметил, что Паламед, который стоял лагерем рядом с Ахиллесом и слышал ссору, злорадно смеялся вместе со своими воинами. Царь прошел, ничего ему не сказав, поскольку он уже знал, что Паламед жаждет быть главнокомандующим.

Из палаток и хижин высыпали люди, неисчислимые, словно листья дубов или цветы на равнине Скамандра, где они сражались. Афина, дочь Зевса, отложила свои разноцветные мирные одежды, сотканые собственными руками, и теперь, невидимая, проследовала через лагерь в полном боевом облачении, воспламеняя мужские сердца. Земля громopodobно стонала под копытами и ногами, когда герои в своей сверкающей бронзовой броне выступили в поход, словно распространяющийся лесной пожар.

На небольшом холме на равнине, откуда вид был лучше, чем со стен, стояли быстроногие стражи Трои. Теперь они поспешили в город с предупреждением, и ворота широко открылись. Оттуда высыпало войско троянцев, выкрикивая странные возгласы, словно галдящая птичья стая. Из азиатских городов прибыли бесчисленные цари. Из дальних степей прибыли племена кочевников, одетые в звериные шкуры и питающиеся кумысом. За своими вождями следовали темнокожие воины из далекой Эфиопии, которая, как считалось, находится на краю света.

Высоко наверху невидимые боги распределялись, на чьей

они стороне. Над греками парил Посейдон, морской бог, и с ним были Гера, Афина, Гефест и Гермес, посыльный Зевса. Над троянцами возвышался золотой Аполлон, рядом с ним стояли Арес, Артемида и Скамандр, бог желтой реки, катящей свои воды через Троянскую равнину.

Теперь Зевс, властелин богов и людей, посылал громы и молнии, и Идские горы дрожали вдоль всех лесистых гребней. Армии столкнулись, началось сражение. В воздухе повисла дикая неразбериха звуков – крики победителей, ржание испуганных лошадей, стоны умирающих. Красные гребни воинов встречались и расходились, подобно двум бурным потокам во время наводнения.

На правом фланге жаркого сражения Диомед рассеял троянцев, но Гектор напал на центр греков, словно лев на стадо овец, гоня Агамемнона и Аякса перед собой, пока спохватившийся Диомед не прекратил преследования и не вернулся им на помощь. На левом фланге союзники Трои, возглавляемые огромным Кикном, отогнали легковооруженных пехотинцев почти до кораблей. При этом Ахиллес, видя поражение, кликнул своих мирмидонян и очертя голову бросился в гущу сражения. Он помчался в колеснице, запряженной белыми конями, напоминая самого великолепного Аполлона. Союзники Трои в страхе стали отступать за Кикна, который, огромный и бесстрашный, встретил колесницу на бегу.

Несущее страх копьё Ахиллеса, слишком огромное для других, сверкнуло в воздухе и пробило щит Кикна и нагруд-

ную пластину, но он выдернул его со смехом. Собственное оружие Кикна ударило в щит Ахиллеса с такой страшной силой, что его владелец пошатнулся, но возничий натянул поводья коней и остановил их в облаке пыли, иначе Ахиллес выпал бы на землю.

– Твоя броня, возможно, и лучше, – дразнил Кикн, – но тебе она нужна больше, чем мне. Я ношу панцирь просто напоказ, ведь я – сын Посейдона, и никакое оружие не может меня поразить.

Он опустил свой щит и оставил неприкрытыми руку и плечо.

– Возьми свое копье назад! – проворчал Ахиллес сквозь зубы и бросил его со всей силы.

Оружие рикошетом отскочило от обнаженной руки Кикна, не оставив даже метки. Кикн рассмеялся, закинув голову.

Ахиллес вытащил меч и перешагнул через поручни колесницы к своему противнику.

– Я, по крайней мере, могу разрубить твою броню на части прямо у твоих ушей, – пригрозил он.

И чтобы слово не расходилось с делом, принялся крушить шлем и щит своего врага с такой силой и скоростью, что Кикн в ошеломлении отступил, в то время как большие куски кожи и бронзы словно бы парили в воздухе.

Кикн отбросил бесполезные остатки своего щита и поднял меч, чтобы отразить град ударов. Они теперь сыпались на его лицо и шлем столь плотно, что он, оглушенный и

ослепленный, отступал все быстрее и быстрее, тщетно ища способ спастись. Он вдруг споткнулся о камень и упал навзничь. Через мгновение Ахиллес был уже на нем, круша мощную грудь великана огромным щитом. Бросив меч, герой наклонился вперед и перекрутил могучими руками ремни шлема своего врага.

– Если тебя нельзя проткнуть, тебя можно задушить, – выдохнул он.

Через минуту все было кончено. Троянские союзники, видя своего предводителя мертвым, побежали, вопя, прочь от жестоких мирмидонян. Ахиллес, переступив через своего противника, чтобы снять с него остатки брони, замешкался на мгновение, а потом оказалось, что он видит лишь траву, где лежало тело. Хотя Посейдон не сумел спасти своего сына от предназначенной ему судьбой смерти, он не дал Ахиллесу возможности торжествовать победу над его телом. Подхватив Кикна на руки, он перенес его домой, где его друзья могли совершить погребальный обряд.

Ахиллес осмотрелся и увидел, что Гектор снова побеждает греков в центре. Он только что положил конец преследованию мирмидонян и вновь намеревался помочь, но Гектор также отступил, чтобы укрепить свои разбитые фланги. С наступлением ночи обе стороны разошлись, потрясенные резней. Греки отошли к своему лагерю, а троянцы – в город. Всю ночь большие похоронные костры горели на побережье, а из Трои в это время слышался плач скорбящих женщин.

Троил и Крессиды

История Трои и Крессиды описывает греческого прорицателя Калхаса как дезертира из Трои. Посланный к грекам в Авлиде, Калхас узнал от богов в видении, что они считают дело греков правым и что оно победит. Поэтому он связал свою судьбу с Агамемноном, предоставив своих соотечественников их судьбе.

Весть об этом дезертирстве была встречена в Трое с большим гневом. Калхас оставил свою дочь, Крессиду, на попечении ее дяди Пандара. Она теперь экономно вела дом, встречалась с немногими и была достаточно благоразумной, чтобы казаться довольной, когда троянцы отказались отдать ее отцу. Таким осторожным поведением она завоевала друзей, которые могли бы защитить ее, и жила спокойно в Трое, несмотря на войну, пока Троил, самый храбрый из юных принцев, безумно не влюбился в нее.

Крессиды была далека от намерения навлечь на себя зависть, получив любовь самого сильного и самого красивого из неженатых сыновей Приама. Правда, она была польщена, но вскружить ей голову было не так-то легко. Так как она никогда не появлялась в компании, у Трои ила не было возможности встретиться с ней на улице. А теперь, когда мужчины отправились на войну, она даже не выходила за пределы города.

Почти ежедневно старики и женщины собирались на городских стенах, чтобы наблюдать далекое сражение на равнине между греками и троянцами. Крессида ненавидела многолюдье подобных мест, потому что прежние друзья ее отца смотрели на нее с жалостью и перешептывались друг с другом при ее приближении. И все же ее привлекало зрелище битвы, поскольку она безгранично любила доблесть и отвагу. Ее лицо загоралось гордостью, когда Троил возвращался в город с триумфом, держа какой-нибудь яркий щит или богатую нагрудную пластину, отобранные у врага. Однако, когда другие устремлялись к воротам, чтобы поприветствовать победоносного героя, Крессида скрывала лицо под вуалью и шла домой, чтобы он не увидел ее.

Такая осторожность Крессиды не гасила любовь Троила, а скорее воспаляла ее. Не имея возможности заговорить с ней, влюбленный обратился к ее дяде, который в отсутствие ее отца был ее опекуном.

Пандар, честолюбивый человек, загорелся желанием увеличить собственное богатство союзом племянницы с одним из самых известных сыновей Приама. Не исключено, что и царство может перейти к Троилу. Ведь уже один принц захвачен в плен, а двое других убиты. Во время войны может случиться все, что угодно. Пандар тайно подстрекал врагов Калхаса открыто выступать против Крессиды, поскольку желал иметь причину для создания союза сторонников Крессиды.

Все шло согласно плану. Испуганную Крессида без труда привели на собрание ее друзей в доме принца Деифоба. Здесь Пандар хитростью предоставил Троилу возможность несколько минут побыть наедине с дамой его сердца. Крессида, смущенная и благодарная, не сильно отвергала его любовные излияния. Новое свидание принесло лучшее понимание, и Крессида приняла его любовь.

За этим последовало счастливое время тайных свиданий. Теперь Крессида тихо напевала, сидя у прялки или расчесывая светлые волосы, которые были ее самой большой гордостью. Каждый день она улыбалась со стен города Троилу, который сдвигал назад свой выдавший виды шлем со лба, сияя от гордости. Он стал героем из героев. Он завоевал в очередном сражении огромный черный щит, украшенный выкованными серебряными звездами, который исчез после того, как он пронес его с триумфом через город. Некоторые женщины шептались, что его нужно искать в зале дома Крескиды.

Выражение «щедр, как Троил» вошло у троянцев в поговорку в те дни. Троил, который всегда пользовался уважением, как воин, неожиданно стал известен. Женщины восхищались развевающимся гребнем его шлема и великолепной броней. Мужчины называли его вторым Гектором. Остальные амбициозные принцы, такие, как темноволосый юный Эней, хмурились.

Тем временем Калхас не прекращал попыток воссоединиться со своей дочерью. Когда некий важный троянский

придворный был наконец взят в плен, Калхас обратился к Агамемнону, который согласился предложить пленника в обмен на Крессиду.

– Я отправлюсь с этим поручением к троянцам, – вызвался красавец Диомед. – Я слышал, что Крессида красива и что у нее волосы такие же золотые, как у Елены. Может, я получу в награду за спасение ее улыбку, если только у нее в Трое нет возлюбленного.

– Крессида благоразумна, – беспечно ответил Калхас, – и жила в уединении, не питая особой склонности к троянцам. Как верная дочь, она приберегла улыбки для друзей своего отца.

Царь Приам с готовностью согласился на условия, поставленные Диомедом, так как хотел спасти своего отважного благородного придворного, а о Крессиде он и не думал. Гектор тоже согласился, хотя и с грустью, поскольку знал тайну Троила.

– Это трудное испытание для девы, которая желает остаться с нами, – сказал он. – Я должен, по крайней мере, пойти и сообщить ей эту весть.

Троил действительно был с Крессидой, как и предполагал его брат, и ничто не могло утешить его безумную печаль. Он приник к своей возлюбленной и клялся, что не отпустит ее. Крессида со своей стороны была спокойна, хотя и очень бледна.

– Верь мне, – сказала она, чтобы успокоить его. – Разве я

не клялась, что раньше солнце упадет с небес и расколется об Идские горы, чем я предам тебя?

– Как я буду жить, если ты оставишь меня?! – с болью воскликнул Троил.

– Верь мне, – повторила она. – Я знаю, как обмануть моего отца. Я придумала хитрость, которая убедит его отправить меня назад как можно скорее.

– И как скоро? – нетерпеливо спрашивал Троил, озаренный внезапной надеждой.

– Через десять дней, – уверенно ответила Крессида. – Клянусь, на десятый день я вернусь.

Троил снова сжал ее в объятиях, но Гектор, услышав о прибытии Диомеда, прервал нежное прощание влюбленных.

При встрече с Диомедом Крессида вздрогнула от неожиданности. Они с Троилом были на первый взгляд сильно похожи. Оба были златовласыми, голубоглазыми и необычно высокими, хотя Диомед был шире в плечах и румянее. Он улыбался Крессиде с видом добродушной уверенности в себе, и Троил немедленно возненавидел его за это.

– Госпожа Крессида – любимица Трои, – натянуто сказал Троил. – Если с ней что-нибудь случится по твоей вине, берегись! Я убью тебя и брошу на растерзание стервятникам, даже если за тобой будет стоять вся греческая армия.

– Я не привык разбрасываться обещаниями, – небрежно ответил Диомед, забавляясь угрозой Троиля.

– Обещай! – закричал в ярости Троил, положив руку на

рукою меча.

– Успокойся, Троил, – ласково сказал Гектор. – Какой вред он может причинить Крессиде? Помни, он сопровождает ее к отцу.

Диомед хитро улыбнулся Крессиде, покрасневшей с досады на своего возлюбленного, который был так несдержан и смешон.

– Я с удовольствием поеду с Диомедом, – отчетливо произнесла она и подала руку греку. – Я польщена, что мой отец посылает за мной такого отважного героя.

– Крессиде! – в отчаянии воскликнул Троил.

Та остановилась, полуобернувшись.

– Через десять дней? – переспросил он.

Крессиде поспешно отвернулась от него.

– Я же дала слово! – сказала она, не сумев скрыть раздражения.

Троил и Пандар поднялись на рассвете на десятый день и заняли позицию на стене над воротами. Греки встали лагерем далеко у своих судов, поэтому весь день через ворота шло оживленное движение, благо быстрые часовые с равнины не сообщали, что враг выступил, дабы начать сражение. За стенами крепости под присмотром пастухов паслись овцы и волы. Женщины отправились стирать одежду в Скамандре. К городам, которые послали Приаму войска, отправились гонцы. Караульные у ворот слонялись без дела, поскольку в те-

чение долгого времени никто их не тревожил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.